

ОТ РЕДАКЦИИ Публикация отрывка из книги левого меньшевика Николая Суханова вызвала у нас сомнения. Не будет ли этот текст, раскритикованный Лениным в статье «О нашей революции (по поводу записок Суханова)» поводом обвинить ЛП в меньшевизме? А такие обвинения в ответ на сам факт критики Ленина уже звучали. Но разве допускавшие критику Ленина «левые коммунисты» во главе с Н.Бухариным, Группа демократического централизма и «рабочая оппозиция» в РКП(б), анархо-коммунисты или западноевропейские «коммунисты советом» были меньшевиками?..

Кроме того, сам меньшевизм Н.Суханова весьма условен. Суханов примкнул к партии меньшевиков только весной 1917 года. Причем, примкнул к сторонникам Ю.Мартова – меньшевикам-интернационалистам. А они с «межрайонцами» Троцкого и большевиками долго составляли в Советах единую оппозицию большинству из правых меньшевиков и эсеров.

Автор считал Ленина, Троцкого и Мартова истинными вождями пролетариата. А задачей революции он видел установление власти рабоче-крестьянского блока. Но какой общественный строй будет результатом такой революции? Суханов считал, что построить социализм в крестьянской, по сути раннекапиталистической, стране невозможно. За это «педантизм всех наших мелкобуржуазных демократов» Ленин и критиковал его в своей статье. Критиковал сердито, с намерением объявить таких оппонентов «просто дураками». Но вот опровергать основу рассуждений Суханова – марксистскую аксиому о том, что «новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» так и не стал. Более того, мысль, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», с которой «все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой» Ленин признавал «беспорной». Хотя делал из этого свои выводы...

К публикации отрывка из воспоминаний Н.Суханова нас подтолкнуло и то, что они дают интереснейший фактический материал о 1917 годе из рук человека, работавшего в эпицентре революции – в исполкомах Петербургского и Всероссийского Советов рабочих и солдатских депутатов – со дня их основания.

ПРИЕЗД ЛЕНИНА

Толпа перед Финляндским вокзалом зажала всю площадь, мешала движению, едва пропускала трамваи. Над бесчисленными красными знаменами господствовал великолепный, расшитый золотом стяг: «Центральный Комитет РСДРП (большевиков)». Под красными же знаменами с оркестрами музыки у бокового входа в бывшие царские комнаты были выстроены воинские части.

Пыхтели многочисленные автомобили. В двух-трех местах из толпы высывались страшные контуры броневиков. А с боковой улицы двигалось на площадь, пугая и разрезая толпу, неведомое чудовище – прожектор, внезапно бросавший в бездонную, пустую тьму огромные полосы живого города – крыш, многоэтажных домов, столбов, проводов, трамваев и человеческих фигур.

На парадном крыльце разместились различные не проникшие в вокзал делегации, тщетно стараясь не растеряться и удержать свои места в рукопашной борьбе с «приватной» публикой... Поезд с которым должен был приехать Ленин, ждали часам к одиннадцати.

Внутри вокзала была давка – опять делегации, опять знамена и на каждом шагу заставы, требовавшие особых оснований для дальнейшего следования. Звание члена Исполнительного Комитета, однако, укрощало самых добросовестных церберов, и сквозь строй стиснутых, недовольно ворчавших людей я через весь вокзал пробрался на платформу, к «царским» комнатам, где по-прежнему сидел Чхеидзе, томясь в долгом ожидании и туго реагируя на остроты Скобелева. Сквозь крепко запертые стеклянные двери «царских» комнат была хорошо видна вся площадь, – зрелище было чрезвычайно эффектно. А к стеклам, с площади, завистливо лепились делегаты, и были слышны негодующие женские голоса:

- Партийной-то публике приходится ждать на улице, а туда напустили... Неизвестно кого!..

Негодование было, впрочем, едва ли особенно основательно: небольшие восточной публики, сколько-нибудь известной в политике, науке, литературе, я совершенно не помню при этой встрече; партии не прислали своих официальных представителей, да и из советских людей, из членов Исполнительного Комитета, кроме специально командированного президиума, по-моему, был только один я. Во всяком случае, в «царских» комнатах если кто и был, кроме нас, то не больше трех-четырёх человек. Большевикские же местные «генералы» выехали встречать Ленина в Белоостров или еще дальше в Финляндию. И пока мы ждали Ленина на вокзале, он в вагоне уже основательно осведомлялся о положении дел из «непосредственных источников».

Я прошелся по платформе. Там было еще более торжественно, чем на площади. По всей длине шпалерами стояли люди – в большинстве воинские части, готовые взять «на к-раул»; через платформу на каждом шагу висели стяги, были устроены арки, разубранные красным с золотом; глаза разбегались среди всевозможных приветственных надписей и лозунгов революции, а в конце платформы, куда должен был пристать вагон, расположился оркестр и с цветами стояли кучкой представители центральных организаций большевистской партии.

Большевики, умея вообще блеснуть организованностью, стремясь всегда подчеркнуть внешность, показать товар лицом, пустить пыль в глаза, без лишней скромности, без боязни утрировки, видимо, готовили самый

Николай Суханов

«ЗАПИСКИ О РЕВОЛЮЦИИ»

(из 3-й книги)

настоящий триумф.

Впрочем, сейчас у них были особые основания бить на то, чтобы представить Ленина петербургским массам в виде самого настоящего героя. Ленин ехал в Россию через Германию, в запломбированном вагоне, по особой милости вражеского правительства. Нужды нет, что никаких иных путей для возвращения на родину у Ленина не было по милости «союзных» правительств, а прежде всего по милости своих собственных «революционных» властей. Было ясно, что буржуазия со всеми своими прислужниками сделает надлежащее употребление из милости немцев по отношению к Ленину. И было необходимо создать противовес уже начавшейся отвратительной кампании.

[...]

На все эти темы мы, между прочим, беседовали во время томительного ожидания в «царских» комнатах со Скобелевым и Чхеидзе – и, в общем, не спорили между собой... Ждали же мы долго. Поезд сильно запаздывал.

Но в конце концов он подошел. На платформе раздалась громовая «Марсельеза», посыпались приветственные крики... Мы оставались в «царских» комнатах, пока у вагона обменивались приветствиями «генералы» большевизма. Затем слышно было шествие по платформе, под триумфальными арками, под музыку, между шпалерами приветствовавших войск и рабочих. Угрюмый Чхеидзе, а за ним и мы, остальные, встали, вышли на середину комнаты и приготовились к встрече. О, это была встреча, достойная... не моей жалкой кисти!

В дверях показался торжественно спешащий Шляпников в роли церемониймейстера, а пожалуй, с видом доброго старого полицеймейстера, несущего благую весть о шествии губернатора. Без видимой к тому необходимости он хлопотливо покрикивал:

- Позвольте, товарищи, позвольте!.. Дайте дорогу! Товарищи, дайте же дорогу!..

Вслед за Шляпниковым, во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в царскую комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с изысканным и роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе, не покидая своего прежнего угрюмого вида, произнес следующую приветственную речь, хорошо выдерживая не только дух, но только редакцию, но и тон нравов:

- Товарищ Ленин, от имени Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов и всей революции мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вмес-

те с нами будете преследовать эти цели...

Чхеидзе замолчал. Я растерялся от неожиданности: как же, собственно, отнестись к этому «приветствию» и к этому прелестному «но»?.. Но Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок «царской» комнаты, поправлял свой букет (довольно слабо гармонирующий со всей его фигурой), а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного Комитета, ответил так:

- Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Грабительская империалистская война есть начало войны гражданской во всей Европе... Недалек час, когда по призыву нашего товарища, Карла Либкнехта, народы обратят оружие против своих эксплуататоров-капиталистов... Заря всемирной социалистической революции уже занялась... В Германии все кипит... Не нынче-завтра, каждый день может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалисти-

ческая революция!.. С площади сгорающая от нетерпения, от зависти и негодования публика уже недвусмысленно ломилась в стеклянные двери. Шумела толпа и категорически требовала к себе, на улицу, прибывшего вождя. Шляпников, снова расчищая ему путь, выкрикивал:

- Товарищи, позвольте! Пропустите же! Да дайте же дорогу!..

При новой «Марсельезе», при криках тысячной толпы, среди красных с золотом знамен, освещаемый прожектором, Ленин вышел на парадное крыльцо и сел было в пылящий закрытый автомобиль. Но толпа на это решительно не согласилась. Ленин взобрался на крышу автомобиля и должен был говорить речь.

-...Участие в позорной империалистской войне... ложью и обманом... грабители-капиталисты... – доносилось до меня, стиснутого в дверях и тщетно пытавшегося вырваться на площадь, чтобы слышать первую речь к народу новой первоклассной звезды на нашем революционном горизонте.

Затем, кажется, Ленину пришлось пересест в броневик и на нем двинуться в предшествии прожектора, в сопровождении оркестра, знамен, рабочих отрядов, воинских частей и огромной «приватной» толпы к Сампсониевскому мосту, на Петербургскую сторону, в большевистскую резиденцию – дворец балерины Кшесинской... С высоты броневика Ленин «служил литию» чуть ли не на каждом перекрестке, обращаясь с новыми речами все к новым и новым толпам. Процессия двигалась медленно. Триумф вышел блестящим и даже довольно символическим.

[...]

На Петербургской стороне мне надлежало повернуть направо, к Карповке. Но без определенной цели, влекомый приятной компанией, я дошел все же до начала Кронверкского, до само-

чекская революция!

Это был, собственно, не только не ответ на «приветствие» Чхеидзе. Это был не ответ, это не был отклик на весь «контекст» русской революции, как он воспринимался всеми – без различия – ее свидетелями и участниками. Весь «контекст» нашей революции (если не Чхеидзе) говорил Ленину про Фому, а он прямо из окна своего запломбированного вагона, никого не спросив, никого не слушая, ляпнул про Ерему...

Очень было любопытно! Нам, неотрывно занятым, совершенно поглощенным будничной черной работой революции, текущими нуждами, насущными сейчас, но нематериальными в истории делами, — нам вдруг к самым глазам, заслоняя от нас все, чем мы «были живы», поднесли яркий, ослепляющий, экзотического вида светильник... Голос Ленина, раздавшийся прямо из вагона, был голос извне. К нам в революцию ворвалась – правда, несколько ошеломляющая ее «контексту», не диссонансирующая, но новая, резкая, несколько ошеломляющая нота.

Допустим, Ленин был тысячу раз прав по существу. Я лично был убежден (и остаюсь в этом убеждении до сей минуты), что Ленин был совершенно прав, не только констатируя начало мировой социалистической революции, не только отмечая неразрывную связь между мировой войной и крахом империалистской системы, но был прав и подчеркивая, выдвигая вперед всемирную революцию, утверждая, что на нее необходимо держать курс и оценивать при свете ее все современные исторические события. Все это несомненно.

Но всего этого совершенно недостаточно. Недостаточно прокричать здравницу всемирной социалистической революции: надо хорошо знать, надо правильно понимать, какое практическое употребление надлежит сделать из этой идеи в нашей революционной политике. Если этого не понимать и не знать, то прокламирование мировой пролетарской революции носит не только совершенно абстрактный, воздушный, никчемный характер: оно тогда затемняет, путает все реальные перспективы и крайне вредит революционной политике...

Сочтя за благо ограничиться здравницей всемирной революции и определенно игнорируя конкретную совокупность российских исторических событий, в которых Ленин конкретно должен был принять участие, он отнюдь не доказал, что хорошо знает и правильно понимает стоящие перед нами огромные задачи. Пожалуй, ленинский крик из окна вагона даже свидетельствует о противном. Однако не надо спешить с выводами. Во всяком случае, это все очень любопытно!

Официальная и публичная часть встречи

го дома Кшесинской, горевшего всеми огнями, украшенного красными знаменами и, кажется, даже иллюминированного.

Перед домом стояла и не расходилась толпа, а с балкона второго этажа говорил речь уже охрипший Ленин. Я остановился около отряда солдат с винтовками, который сопровождал процессию до самого конца.

- ...Грабители-капиталисты, - слышалось с балкона. - ...Истребление народов Европы ради наживы кучки эксплуататоров... Защита отечества – это значит защита одних капиталистов против других...

- Вот такого бы за это на штыки поднять, - вдруг раздалось из группы «чествователей», солдат, живо реагирующих на слова с балкона. - А?.. Что говорит!.. Слышь, что говорит! А?.. Кабы тут был, кабы сошел, надо бы ему показать! Да и показали бы! А?.. Вот за то ему немец-то... Эх, надо бы ему!..

Не знаю, почему они не «показали» раньше, когда Ленин говорил свои речи с более низкой трибуны; не думаю, чтобы они «показали» и впредь, «кабы он сошел». Но все же было интересно.

[...]

Неожиданно для себя я очутился у калитки, где большевик-рабочий строго и энергично среди ломившейся толпы выбирал достойных проникнуть внутрь дома и участвовать в неофициальной товарищеской встрече. Узнав меня в лицо, он опять-таки неожиданно пропустил, пожалуй, даже пригласил и меня... Внутри дома, мне показалось, немного народу: очевидно, пускали, действительно, с разбором. Но встреченные в апартаментах Кшесинской большевистские знакомые «генералы» проявили по отношению ко мне вполне достаточное радушие и гостеприимство. Я – доселе и впредь – благодарен им за впечатления этой ночи с 3 на 4 апреля...

Поклон знаменитой балерины имели довольно странный и нелепый вид. Изысканные плафоны и стены совсем не гармонировали с незатейливой обстановкой, с примитивными столами, стульями и скамьями, кое-как расставленными для деловых надобностей. Мебели вообще было немного. Движимость Кшесинской была куда-то убрана, и только кое-где виднелись остатки прежнего величия в виде роскошных цветов, немногих экземпляров художественной мебели и орнаментов...

(продолжение на стр. 6)